

Виктор Серж

Сила и пределы марксизма

I

Со времени опубликования в 1848 году «Коммунистического манифеста» марксизм претерпел множество трансформаций и множество нападков. До сих пор находятся критики, благожелательные иной раз, которые утверждают, что он устарел, опровергнут и сокрушен историей. Тем не менее смутное, но энергичное классовое сознание последних защитников капиталистического способа производства видит в нем наиопаснейшего идейного и социального противника.

Превентивные контрреволюции в Италии и Германии вполне правомерно декларируют свой антимарксизм. И наоборот, почти все достигшие некоторого влияния рабочие движения вдохновлены марксизмом. Единственное исключение из правила — испанская НКГ, но она лишь продемонстрировала свою идеологическую несостоятельность в тот момент, когда сознательность пролетариата была призвана стать одним из решающих факторов развертывавшейся революции. Эта революция на сегодняшний день провалена как раз, быть может, в силу политической бездарности лучших революционеров.

Исторические заслуги марксизма неоспоримы. Марксистские партии Второго Интернационала сплотили, организовали, вывели на новый уровень, воспитали в демократическом духе довоенный рабочий класс. В 1914 году они оказались заложниками процветающего капитализма, борьбу с которым вели, вполне к нему приспособившись (в сущности, они больше приспособивались, чем боролись). Но лишь марксистская партия сумела распознать в бурном хаосе русской революции главные силовые линии и, решительно отстаивая высшие интересы трудящихся, вписалась в нее, сделавшись в буквальном смысле слова акушеркой нового мира. Вся тяжесть послевоенных социальных битв приняли на себя марксисты: спартаковцы в Германии, тесняки в Болгарии, коммунисты повсеместно. Позднее китайская революция в момент своего самого прекрасного взлета испытала мощное влияние русского

революционного марксизма, впрочем, уже весьма искаженного поднимавшейся в СССР реакцией. Немецкий марксизм, в обеих его формах, социал-демократической и коммунистической, оказался неспособным на мужественное сопротивление нацистскому натиску. Именно в этом, несомненно, наряду с вырождением большевизма, крупнейшее поражение из всех, которые потерпел марксизм. Тем не менее он вновь восстает в мировом масштабе. Пока непримиримая оппозиция позволяла сталинизму преследовать и истреблять себя, австрийские социалисты дали безнадежный, но геройский, спасший их от деморализации бой; шахтеры-социалисты Астурии нанесли в тридцать четвертом испанскому фашизму удар, который можно назвать «упреждающим».

Смешно было бы отделять марксистскую мысль от сегодняшних социальных реалий. Марксизм — не просто научная доктрина, но *исторический факт*, для оценки которого необходимо рассмотреть его во всей полноте. Тогда становится ясно, что со времен зарождения, утверждения и разложения христианства не было в жизни человечества более значимого события.

II

Этот факт со всей очевидностью не ограничивается сферой классовой борьбы, он входит в сознание современного человека и при том независимо от отношения к марксизму конкретного человека. И вопрос о том, сохраняют ли силу теории стоимости, прибавочной стоимости, накопления капитала, является второстепенным... Вопрос, в сущности, пустой и даже несколько ребяческий. Наука не знает совершенства, она вершится непрерывно. Может ли наука быть чем-то иным, нежели постоянной ревизией самой себя, нежели непрерывным поиском все большего приближения к истине? Может ли она обойтись без гипотезы и ошибки, без завтрашнего заблуждения, которое вчера было истиной (максимальной степенью приближения к истине)? Столь же второстепенна констатация того, что какие-то предвидения Маркса и Энгельса были не подтверждены историей и, наоборот, произошло многое, не предусмотренное ими...

Слишком велики были Маркс и Энгельс, слишком умны, чтобы мнить себя непогрешимыми и претендовать на роль пророков. Последователи — верно, но не суть важно — не всегда оставались на высоте их мудрости. Непреложно одно: марксизм изменил образ мысли человека нашего времени. Ему мы обязаны обновлением и приращением сознания. В чем конкретно? После Маркса никто всерьез не отрицает роль экономики в истории. Даже для противников марксизма очевидна сегодня взаимосвязь экономического, психологического, социального и морального, причем в аспектах совершенно отличных от тех, что придавались им до Маркса.

То же самое касается роли личности в истории, отношений личности с массами и обществом. Наконец, марксизм принес нам чувство, которое я бы назвал *чувством истории*; он заставил осознать, что мы живем в меняющемся мире, осветил наши возможности и пределы в борьбе, в непрерывном творении, он учит нас находить место применению воли и способностей в развитии объективных процессов, желательных или неизбежных, в зависимости от случая. Таким образом, он позволяет придать высокий смысл изолированным существованиям, сводя их, благодаря обретению сознательности, вдохновляющей и обогащающей духовную жизнь, в неизмеримую и непрерывную общественную жизнь, которую история способна лишь описывать.

Обретенная сознательность требует действия, и с тех пор мысль и действие неразделимы. И вот человек примирен с самим собой, как бы ни была тяжка его судьба. Он уже не чувствует себя игрушкой слепых и непонятных сил. С открытыми глазами встречает он любые трагедии, самые мрачные поражения, ему придает силы способность понимания, воля к действию и противодействию, чувство неразрывной связи с идущими сквозь время народными массами.

III

Отрицать роль экономики в истории ныне столь же нелепо, как отрицать шарообразность Земли... Сие вполне понятно даже тем, кто это оспаривает. Хотелось бы подчеркнуть здесь один важный факт, до сих пор не привлекавший должного внимания. Противники рабочего класса

широко ассимилировали вклад марксизма. Правители, промышленные и финансовые воротилы, вожаки толпы заставляют иной раз жечь труды Маркса и бросать марксистов в тюрьму, но социальную реальность они понимают ничуть не хуже марксистских экономистов и политиков. И ежели оплачиваемая ими профессура опровергает теорию прибавочной стоимости, то они с не меньшей энергией и твердостью отстаивают долю, изымаемую богатыми классами из дохода общества. Марксизм неизреченный врагов социализма становится, возможно, одним из самых грозных средств защиты привилегированных классов.

IV

Марксизм испытал анализируемые им условия развития в ходе собственной истории. Преодолеть их он смог лишь в слабой мере: всякое сознание, будучи следствием, прежде чем стать причиной, остается связанным (подчиненным) с предшествующими материальными (социальными) условиями. «Общественное бытие определяет (предшествует) сознание».

Марксизм апогея капитализма в целом был конформистским. Весьма немногие из его приверженцев: Роза Люксембург, Ленин, Троцкий, Герман Гортер — смутно предвидели в настоящем времени горизонты более широкие, нежели горизонты капиталистического процветания. Но это было либо всего лишь далекой от непосредственного действия философской абстракцией, либо отголоском старого христианского утопизма (который в нашей цивилизации был древнееврейским, прежде чем стать христианским: перечитайте пророков).

В эпоху империализма марксизм раскололся. Национальный и контрреволюционный в странах, где он стал реформистским; революционный и интернационалистский в России, единственной стране, где крах старого режима вынудил пролетариат выполнять свою миссию до конца.

Марксизм русской революции поначалу был пламенно интернационалистским и либертарным (доктрина государства-коммуны,

советский федерализм); затем, и благодаря осадному положению, очень скоро он становится мало-помалу авторитарным и нетерпимым.¹

Марксизм периода упадка большевизма — иначе говоря, марксизм бюрократии, оттеснившей от власти рабочий класс, — есть тоталитарный, деспотический, аморальный и оппортунистический. Он дошел до странного и чудовищного отрицания самого себя.

Можно ли из всего этого сделать иной вывод, кроме того, что общественное сознание в его высших формах не свободно от бытия, которое оно отражает, освещает и пытается преодолеть?

V

Истина марксизма такова, что его собственные поражения подкрепляют ее. Нет сомнения относительно того, стоит ли делать различие между методом чисто научным, социологическим и выводами, его применением на практике. (В реальности они неразделимы, и это применимо не только к марксистской социологии, но к любой научной дисциплине, непосредственным образом связанной с человеческой деятельностью.) Нам не дано повелевать событиями, управлять ими или хотя бы предвидеть их, впрочем, мы все время занимаемся этим с переменным успехом; наша деятельность, будучи творческой, неизбежно вторгается в область неопределенного, обычно то, чего мы не знаем, преобладает над тем, что мы знаем, и наши удачи, как правило, не могут не вызывать удивления. Было бы достаточно отметить колоссальный успех партии большевиков в 1917 году (Ленин-Троцкий), предсказания Энгельса о будущей великой войне и ее последствиях, несколько строк из резолюции Базельского конгресса Интернационала (1913), чтобы доказать действенность марксизма как применения достижений научной мысли своего времени. Но это остается с ним и в моменты самых глубоких провалов. Разве не важно понять поражения социализма? Только марксистский анализ истории дает такую возможность. Марксизм оказался бессилён перед лицом нацистской контрреволюции в Германии; но только он дает понимание победы партии

¹ С 1919 года большевизм начинает отказывать в праве на политическое существование всем диссидентам революции.

деклассированных, оплаченной и поддержанной заправилами крупной буржуазии, в период безысходного экономического кризиса. Суть сложной фазы классовой борьбы, подготовленной национальным унижением Версаля и истреблением революционных пролетариев (Носке, 1918-1921), полностью открылась нам только благодаря научной мысли побежденного класса. Вот одна из причин, которая делает эту мысль столь грозной для победителей.

То же самое относится к отвратительному вырождению диктатуры пролетариата в СССР. И здесь казни старых революционеров, уничтоженных созданным ими режимом, есть лишь факт классовой борьбы. Пролетариат, отстраненный от власти кастой пролаз, пристроившихся к новому государству, может осознать глубинные причины своего поражения и обрести ориентиры в завтрашней борьбе только посредством марксистского анализа.

VI

Марксизму эпохи расцвета капитализма естественно не доставало революционного духа. Он не осмеливался ни представить себе, ни пожелать конца того общества, в котором жил. Страдая недостатком отваги, он отрекся сам от себя, когда она стала необходима, ибо бывают моменты, когда жить — значить сметь.

Марксизм первого великого революционного кризиса современного мира, представленный главным образом русскими, а стало быть, людьми, сформированными школой деспотизма, продемонстрировал иного рода недостаток отваги, не менее пагубный: не осмелился стать либертарным. Точнее, он был таковым на словах и в течение недолгого времени, в рамках короткого периода советской демократии, который продолжался с октября 1917 до лета 1918 года. Затем спохватился и решительно ступил на путь старого этатизма, авторитарного и, скорее, тоталитарного. Ему не достало духа свободы.²

Ссылками на смертельную угрозу легко объяснить и даже оправдать блестящую энергию политики общественного спасения Ленина,

² Воздадим должное Розе Люксембург, которая в 1918 году адресовала большевикам этот суровый упрек. («Русская революция»).

Троцкого, Дзержинского. Не затруднительно и правомерно признание того, что *на первых порах* она обеспечила победу трудящихся, победу, добытую вопреки воистину небывалым трудностям. Но следует признать, что *в дальнейшем* она обусловила поражение трудящихся бюрократией. Вождям большевизма великих лет хватало знаний, ума, энергии; им не доставало революционной дерзости всякий раз, когда требовалось (после 1918 года) искать решения на путях свободы масс, а не в государственном принуждении. Они систематично строили не либертарное государство-коммуну, как заявляли, но сильное государство в старом смысле слова, сильное своей полицией, цензурой, монополизмом, всемогущими канцеляриями. В этом смысле впечатляет контраст между программой большевизма 1917 года и его государственной деятельностью начиная с 1919 года.³

После победы в Гражданской войне *социалистическое* решение проблем новой общественной организации следовало искать в рабочей демократии, соревновательности инициатив, свободе мнений, свободе *рабочих* объединений — а не, как было, в монополии на власть, подавлении инакомыслия, «монолитности» единственной партии, узкой ортодоксии правительственной мысли. Власть и мысль одной единственной партии должны были заставить предвидеть власть и мысль одного единственного вождя... Чрезмерная концентрация полномочий, страх перед свободой и идеологическим разнообразием, привычка к абсолютной власти обезоружили массы и повлекли за собой утверждение бюрократии. Когда Ленин и Троцкий осознали опасность и решились реагировать (поначалу робко: самой большой дерзостью левой оппозиции в партии большевиков было требования возврата к *внутрипартийной* демократии; никогда не осмеливалась она оспаривать теорию однопартийности), было слишком поздно.

³ Я изложил эти мысли и факты в работах «Ленин 1917» и «Первый год русской революции». Ничто лучше не характеризует заблуждения большевиков, нежели мелочный план регламентации распределения продовольствия за подписью Ленина; проект милитаризации труда Троцкого; экономические схемы, опубликованные Бухариным накануне нэпа; пагубное упрямство Центрального Комитета в настойчивом следовании путем военного коммунизма, тогда как страна оказалась явно на грани смерти; подавление Астрахани и Кронштадта; запрет со стороны коммунистической партии всех революционных рабочих партий и группировок.

Боязнь свободы, отражающая боязнь масс, характеризует почти весь путь русской революции. Если извлекать из этого главный урок, способный оживить и оздоровить марксизм, находящийся сегодня в большей чем когда-либо опасности в силу конца большевизма, то его можно сформулировать следующим образом: социализм по сути своей есть демократия — понимая слово «демократия» в данном случае в его либертарном смысле. Ныне очевидно, что без свободы мнений, слова, критики, инициативы социализированное производство в СССР может двигаться лишь от кризиса к кризису. Свобода столь же необходима социализму, как кислород живым организмам.⁴

VII

Вследствие именно своей блестящей духовной и политической победы в русской революции марксизм сегодня находится под угрозой грандиозной дискредитации, а рабочее движение — неопишуемой деморализации. Бессмысленно закрывать на это глаза. Очевидно, что в стране победившего социализма марксистская партия с престижем крупнейшей и наизаконнейшей переживает пятнадцатилетие обескураживающего вырождения. Она докатилась до развенчания и истребления своих недавних героев, до извлечения из самой их преданности скорее зловещего, нежели ошеломляющего эффекта в несправедном, основанном на кричащих фальшивках суде.

Очевидно, что диктатура пролетариата почти незаметно трансформировалась в чиновничье-полицейскую диктатуру. Рабочий класс еще окрылен былыми победами, но обречен на моральные и материальные условия, существенно уступающие тем, которые он имел при старом режиме.⁵ Миллионы лишенных собственности крестьян депортированы, земледелие подорвано насильственной

⁴ Отметим, что Троцкий в «Преданной революции» (1935-1936) пытался обосновать необходимость рабочей демократии для лучшего функционирования производства и впервые с советской точки зрения сформулировал требование свободы рабочих партий.

⁵ Детальнейший анализ официальных советских показателей по заработной плате, выполненный группой экономистов профессора Прокоповича и опубликованный в № 188 «Бюллетеня» этой группы (Прага, ноябрь-декабрь 1937), позволяет заключить, что нынешние заработки советских трудящихся примерно на 30 % уступают тому, что они имели до революции. Речь идет о реальной заработной плате. Это целиком совпадает с моими многолетними наблюдениями на месте, приведенными в «Судьбе революции».

коллективизацией. Наука, литература, мысль буквально скованы. Марксизм сведен к формулам, зачастую подправленным, лишенным живого содержания, фальсифицированным, грубо приспособленным к интересам антисоциалистического режима, к его нравам, его проявлениям, к новым формам эксплуатации труда, установленным на базе общественной собственности на средства производства.

Очевиден, наконец, неопиcуемый, беспрерывно разыгрываемый в СССР спектакль черного террора. Очевидны культ вождя, разложение интеллигентов и зарубежных рабочих организаций, распространяемая «коммунистической» прессой систематическая ложь, убийства и похищения противников московской секретной службой даже в Испании, даже в Швейцарии. Общеизвестно, как перекинулась гангрена в революционную Испанию, чтобы непоправимо, быть может (на данный момент истории), искалечить судьбу трудящихся классов...

И это еще не все. Отныне подорваны, выхолощены, осквернены ценности, создающие величие социализма. В рабочем классе ширится смертельный раскол на слепых и зрячих, на мошенников и честных. Он уже приводит к братоубийственным схваткам и, в любом случае, исключает (в настоящий момент) какой-либо духовный прогресс: ибо невозможно теперь с чистой совестью и умственной отвагой начать теоретическую или практическую дискуссию по вопросам, вытекающим из марксизма. Таким образом, социальная катастрофа СССР затрагивает перспективы развития, жизненные основы сознания современного человека.

В мае 1936 года я писал Андре Жиду накануне его поездки в Россию: «Мы создаем фронт против фашизма. Но как преградить ему путь, когда за спиной у нас столько концентрационных лагерей? Задача, как видите, уже не из легких. Уже никому не дано упростить ее. Никакой новый конформизм, никакая святая ложь не помогут заживить эту язву... В одном только смысле СССР остается величайшей надеждой людей нашей эпохи: советский пролетариат еще не сказал своего последнего слова».

Всякая социальная борьба есть в то же время соревнование. Чтобы социализм возобладал над фашизмом, надо, чтобы он явно превосходил его с точки зрения созданных человеку условий.

VIII

Есть ли необходимость лишней раз подчеркивать, что марксизм, замутненный, фальсифицированный и запятнанный кровью московскими убийцами — это уже не марксизм? Что он рушится, разоблачает и опровергает себя, сам себя парализует? К сожалению, массы не скоро разглядят это. Они живут не ясной и рациональной мыслью, а чувствами, которые опыт путем обратного действия меняет медленно... Поскольку все происходит под узурпированными знаменами марксизма, то со стороны масс, не способных применить к трагедии марксистский анализ, следует ожидать реакции против марксизма. Что нашим врагам только на руку.

Между тем, научной мысли не повернуть вспять от марксизма, а рабочему классу не обойтись без интеллектуального оружия. К тому же, разве не подходит европейский рабочий класс в данный момент к восстановлению утраченных после кровопускания мировой войны сил? В СССР на значительно расширившейся индустриальной базе возрождается новый рабочий класс. Классовая борьба продолжается: отчетливо слышно, как трещит, несмотря на тоталитарные подпорки, конструкция старого социального здания. Марксизму предстоит испытать достаточно превратностей судьбы, не исключено, даже затмений. В конечном счете, сила его не иссякнет в любых исторических условиях, поскольку это сила знания, сопряженная с революционной необходимостью.

Париж, февраль 1938

Впервые опубликовано в переводе на английский язык в нью-йоркском журнале «Partisan Review», 1938, vol. V, № 3. Русский перевод сделан В.А. Бабинцевым с французского оригинала, напечатанного в парижском журнале «Masses», 1939, № 3. Первая публикация на русском языке: «Альтернативы», 1995, № 4.